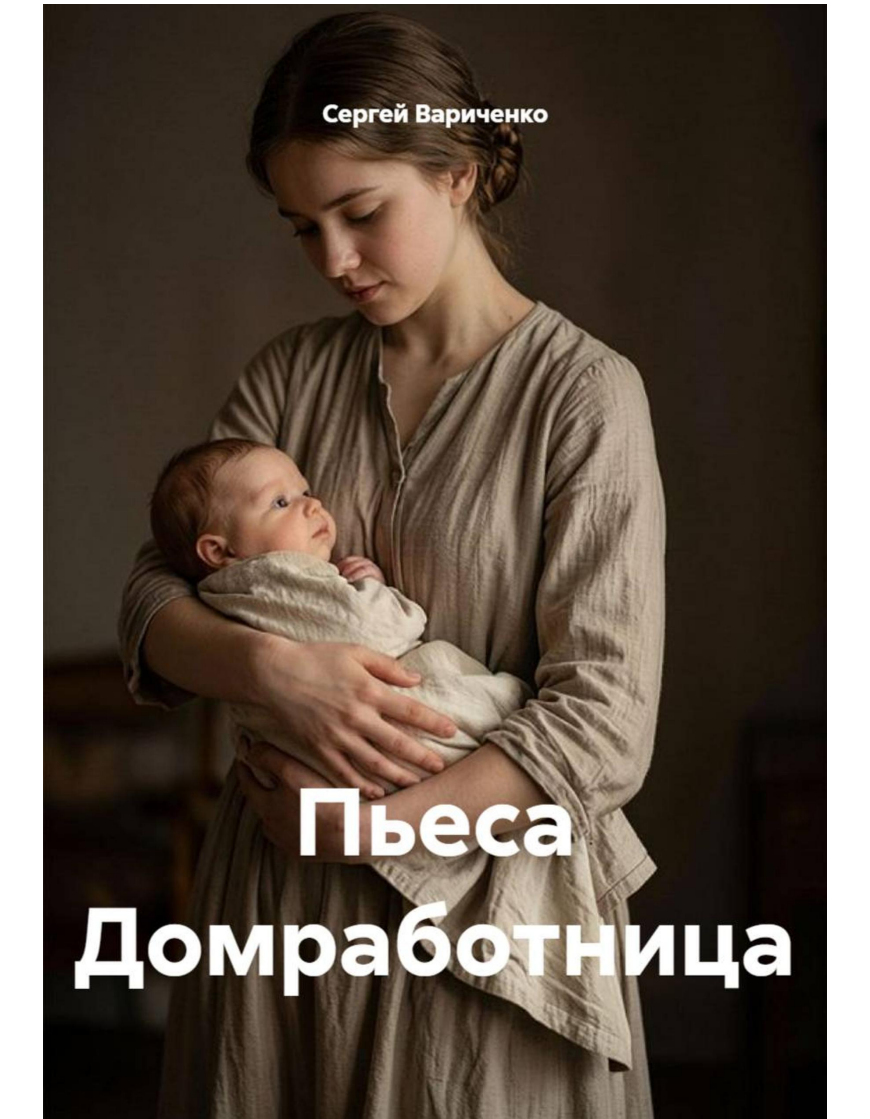

A photograph of a young woman with brown hair in a braid, wearing a light-colored, long-sleeved dress, holding a newborn baby wrapped in a light-colored cloth. She is looking down at the baby with a gentle expression. The background is dark and out of focus.

Сергей Вариченко

Пьеса
Домработница

Сергей Вариченко

Пьеса Домработница

<https://litres.ru/74533943>

SelfPub; 2026

Аннотация

1913 год. В богатый дом Хлебных приходит Николь — домработница, няня, кормилица. Она молода, тиха, всё делает на ощупь и умеет держать младенца так, будто это естественное дыхания. За её немногословностью — потеря собственного ребёнка, о которой она не говорит: слова здесь лишние. Постепенно Николь становится незаметной осью дома: кормит грудничка, успокаивает четырёхлетнего Мишу, проходит сквозь шум и требования, ночами читает Достоевского в тесной кладовке.

Сергей Вариченко

Пьеса Домработница

Пьеса Сергея Перкоквас, дата написания четвертое января по двадцать девятое января, эпилог добавлен тридцать первого.

Действующие лица

Николь

Двадцати пяти лет. Домработница, нянька, кормилица. Потеряла ребёнка при родах — и не говорит об этом, потому что слова здесь лишние. Двигается тихо, говорит мало, но всё в доме знает на ощупь: где скрипит пол, кто чем дышит, кто когда врёт. Умеет держать младенца так, будто это естественное дыхания. Читает Достоевского ночами и не ищет утешения — только смысла.

Павел Сергеевич Хлебных

Отец семейства. Человек привычки и ответственности. Верит, что порядок спасает от хаоса, а правильные слова — от лишних чувств. Не жесток, но строг к себе и другим. Умеет играть с сыном на полу и обсуждать серьёзные дела тем же спокойным голосом. Дом для него — дело, которое нужно удержать.

Анна Михайловна Хлебных

Мать. Сдержанная, аккуратная в движениях и словах. Привыкла благодарить про себя, а не вслух. Видит больше, чем говорит, и понимает больше, чем позволяет показать. В её взгляде иногда появляется усталость — не от дел, а от необходимости всегда быть «хозяйкой».

Елизавета Хлебных

Старшая дочь. На пороге взросления. Умна, неровна, внутренне одинока. Говорит о Европе, потому что ищет не место, а другой способ жить. Остро чувствует нехватку тепла, но стыдится в этом признаться. Её тишина опаснее её слов.

Миша Хлебных

Четырёх лет. Живой, шумный, внимательный. Повторяет слова взрослых, не понимая их смысла, но чувствуя интонацию. Учится границам, обидам и примирению через игру и взгляд отца.

Младенец Хлебных

Ещё без имени для зрителя. Тело, тепло, дыхание. Центр дома, вокруг которого выстраивается ритм жизни. Его сон — редкий покой, его плач — общий приказ.

Иосифна

Кухарка. Женщина, видевшая больше домов и детей, чем может вспомнить. Говорит просто, делает надёжно. Знает, что жизнь держится не на разговорах, а на вовремя выстиранных пелёнках и горячей еде.

Репетитор

Человек извне. Приходит и уходит. Несёт знания, не замечая, что в этом доме важнее паузы между словами.

Пьеса «Домработница»

Сцена 1. Приёмная в доме Хлебных

Просторный холл. Высокие потолки, холодный свет из окна. Всё аккуратно, но без уюта. На стуле у стены сидит Николь — пальто на коленях, руки сжаты. Видно, что она не спала. Из глубины дома выходит Хозяйка.

Хозяйка:

Вы по объявлению?

Николь:

Да... домработница. И няня, если нужно.

Хозяйка (оглядывает её с ног до головы):

Опыт есть?

Николь (пауза):

Есть... с детьми. И по дому умею всё.

Хозяйка замечает её руки — слегка дрожат.

Хозяйка:

У нас большой дом. Два этажа. Двенадцать комнат. Уборка ежедневно. Готовка иногда. Глажка обязательно.

И дети.

Николь:

Сколько?

Хозяйка:

Трое. Младшему девять месяцев. Среднему четыре года. Старшая — подросток.

Иногда будете ночевать здесь.

Николь кивает быстрее, чем следовало бы.

Хозяйка:

Зарплата раз в месяц. Проживание в кладовой на втором этаже, если останетесь.

Документы есть?

Николь (тихо):

Да.

Она достаёт паспорт. Рука дрожит сильнее. Хозяйка листает, не вчитываясь.

Хозяйка:

Когда сможете приступить?

Николь на секунду теряется, будто вопрос слишком сложный.

Николь:

Сегодня.

Пауза. Где-то в доме плачет младенец. Николь инстинктивно вздрагивает, словно от удара.

Хозяйка (не замечая):

Хорошо. Тогда сегодня.

Фамилия?

Николь:

Николь... просто Николь.

Хозяйка:

Ладно. Идите за мной.

Они уходят вглубь дома. Плач младенца становится громче.

Сцена 2. Через несколько дней. Утро

Кухня. Ранний свет. Николь стоит у раковины и моет бутылочку для кормления. Движения механические, выверенные. На столе — игрушки, недоеденная каша, детские рисунки. Из коридора слышен топот четырёхлетнего ребёнка.

Голос ребёнка:

Николооль!

Николь (не оборачиваясь):

Сейчас.

Плач младенца из детской. Николь на секунду замирает, закрывает глаза. Глубокий вдох. Ставит бутылочку сушиться и идёт в детскую.

Детская. Кроватка, мягкие игрушки. Младенец плачет. Николь берёт его на руки неловко, но бережно. Качает. Плач постепенно стихает.

Николь (шёпотом):

Тихо... тихо... всё хорошо...

Она говорит это скорее себе, чем ребёнку.

В дверях появляется девочка-подросток, сонная, с телефоном в руке.

Девочка:

Мама сказала, чтобы ты потом убрала мою комнату.

Николь:

Хорошо.

Девочка (разглядывая её):

Ты странная.

Уходит. Николь остаётся с младенцем. Он тянет руку к её лицу. Николь улыбается впервые — коротко и неуверенно.

Позже. Коридор второго этажа. Николь несёт корзину с бельём. Из одной комнаты доносится смех телевизора, из другой — спор родителей, из третьей — музыка подростка. Дом живёт своей жизнью. Николь проходит сквозь звуки как сквозь дождь — не намокая.

Она останавливается у окна. Во дворе яркое солнце, дети соседей играют в мяч. Николь смотрит несколько секунд, затем отворачивается и идёт дальше.

Свет медленно гаснет.

Сцена 2 (продолжение).

Та же детская, но теперь в окне виден зимний свет, тяжёлые занавеси, на стене икона в углу. Обстановка подчёркнуто дореволюционная: резная мебель, медный умывальник, вышитые салфетки. Младенец плачет настойчивее. Николь садится в кресло у кровати.

Она колеблется секунду — будто спрашивает разрешения у пустоты — затем расстёгивает платье и прикладывает ребёнка к груди. Плач постепенно стихает. В комнате становится тихо, слышно только тиканье настенных часов.

Николь (шёпотом, почти беззвучно):

Тише... тише... всё будет хорошо.

В дверях на мгновение появляется Хозяйка. Смотрит внимательно, оценивающе, но без жестокости — скорее как на функцию, чем на человека.

Хозяйка:

Врачи нынче всё советуют кормилиц искать. Говорят, полезнее.

В Петербурге за это большие деньги берут.

Николь (не поднимая глаз):

В деревнях так всегда было... няньки кормили.

Хозяйка:

Ну, у нас теперь почти как в столице. Год-то какой — тысяча девятьсот тринадцатый. Империя на подъёме, говорят.

Пауза.

Смотрите, чтобы он засыпал после.

Хозяйка уходит. Николь остаётся. Ребёнок постепенно засыпает у неё на руках. Она смотрит на его лицо долго, будто изучает черты, которых не было позволено изучить когда-то раньше. Затем осторожно укладывает его в кроватку и поправляет одеяло.

Та же сцена. Комната старшей дочери

Комната подростка контрастирует с остальным домом: на столе французские журналы мод, перья, тетради с гимназическими заданиями, открытки с видами Парижа. На спинке стула — форменное платье. Николь входит с ведром и тряпкой.

Она аккуратно складывает книги, вытирает пыль с зеркала. В отражении на секунду видит себя — усталое лицо, потускневшие глаза. Быстро отворачивается и продолжает работу.

Берёт в руки открытку: Эйфелева башня. Читает шёпотом по слогам французскую подпись, не совсем понимая смысл. Кладёт обратно точно на то же место.

С улицы доносится звук колокольчиков — проезжает экипаж. Мир за окном кажется далёким и нарядным, словно не имеющим к ней отношения.

Возвращение в детскую

Николь входит тихо, почти на цыпочках. Младенец ворочается, но не плачет. Она проверяет одеяло, касается лба — привычным движением, как будто делает это много лет. Из коридора слышен голос старшей дочери:

Девочка (за сценой):

Мама! Газеты пишут, что в Европе опять неспокойно!

Голос Хозяйки:

Политика — дело мужчин. Иди учи уроки.

Николь стоит у кровати, слушает эти слова без выражения. Затем медленно садится на стул рядом. Часы продолжают тикать. Дом дышит богатством и уверенностью в завтрашнем дне, а она — лишь тихая тень между комнатами.

Младенец во сне сжимает её палец. Николь не убирает руку.

Свет постепенно тускнеет.

Сцена 3. Кладовка для прислуги

Небольшая тесная комната под лестницей. Узкая койка, табурет, кувшин с водой. На гвозде висит поношенное платье. Свет проникает только через щель под дверью. Николь сидит на койке, сняв обувь, и держит в руках книгу — «Преступление и наказание». Страницы уже потрёпаны, будто её читали много раз.

Николь (шёпотом читает строку, запинаясь):

«...тварь ли я дрожащая... или право имею...»

Она останавливается, проводит пальцем по строчке, будто пытается нащупать смысл не буквами, а кожей. Где-то наверху слышен смех, хлопанье дверей, шаги по паркету. Дом живёт громко. Здесь — глухо и пыльно.

Николь закрывает книгу и прижимает её к груди. На секунду её лицо становится мягче — как будто книга даёт ей право существовать не только как руки, но и как мысли.

Резкий голос из-за двери:

Хозяйка (за сценой):

Николь!

Николь вздрагивает, быстро прячет книгу под подушку.

Николь:

Да, барыня!

Хозяйка (резче):

Поднимитесь сейчас же. Среднему нужно помочь в уборной. Негоже мне этим заниматься — не царское это дело.

Пауза. Николь смотрит на подушку, под которой спрятана книга. Потом на свои руки. Вздыхает.

Николь:

Сейчас иду.

Она надевает обувь, поправляет платье и выходит. Дверь кладовки остаётся приоткрытой. Видна книга на краю подушки — словно забытая мысль.

Коридор второго этажа

Яркий свет после темноты кладовки режет глаза. Николь идёт быстро, почти бесшумно. Из детской доносится возня и недовольное сопение четырёхлетнего ребёнка.

Голос Хозяйки:

Вот, разберитесь. И потом сразу на кухню — там молоко убежало.

Хозяйка удаляется, не дожидаясь ответа.

Николь приседает рядом с ребёнком, говорит тихо и спокойно — совсем другим голосом, чем отвечала барыне.

Николь:

Ну что ж ты... бывает. Сейчас всё сделаем.

Ребёнок хнычет, но быстро успокаивается от её ровного тона. Для него она — не прислуга и не тень. Просто взрослый человек, который рядом.

Короткий возврат в кладовку (позже)

Николь на секунду заглядывает внутрь, будто проверяет, существует ли это место ещё. Книга всё там же. Она не входит — только смотрит и закрывает дверь.

Дом снова поглощает её шаги. Тиканье часов смешивается с детскими голосами и далёким звоном экипажей за окном. 1913 год продолжается — уверенный, шумный, чужой.

Сцена 3 (продолжение). Кухня

Просторная кухня с высоким потолком. Медные кастрюли висят на крюках, большая печь ещё тёплая. В окне — серый зимний день. На плите убежавшее молоко уже подгорело, оставив сладковатый запах гари. Николь входит быстро, но без суеты — словно спешка здесь не имеет значения.

Она снимает кастрюлю, наливает воды, начинает оттирать дно. Движения уверенные, привычные. Слышно, как во дворе проезжает экипаж — колокольчики звенят глухо,

будто из другого мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.